

FROM RITUAL TO PLOT: THE RITUAL ROOTS OF THE MOTIF OF PROHIBITION IN THE FAIRY TALE "THE SILVER SAUCER AND THE CRYSTAL APPLE"

Komilova Muyassar Mavzhudovna

Acting Associate Professor, Perfect University
Doctor of Philosophy (PhD) in Pedagogical Sciences
Email: muyassarkomilova02@gmail.com.

Mobile: +998 93 534 8715

Sabirova Madina Madaminovna

Lecturer, Tashkent Perfect University
Email: sabirovamadina2002@gmail.com
Mobile: +998 97 117 3672

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17519226>

ARTICLE INFO

Received: 25th October 2025

Accepted: 29th October 2025

Online: 30th October 2025

KEYWORDS

Russian fairy tale; ritual plot; symbolic death and resurrection; initiation; funeral rites; wedding symbolism; transformation of archaic rituals; Propp's model and its deviations; prohibitions; the heroine's sacred status; violation of taboo; bridal lament.

ABSTRACT

The study aims to examine the ritual and symbolic interpretation of a Russian fairy-tale narrative centered on a heroine who undergoes a symbolic death and subsequent rebirth in another realm. The king's words ("Your little plate is silver, but your heart is golden") are interpreted as evidence of the heroine's completed transition into another ontological order, where silver represents the earthly sphere and gold symbolizes the otherworldly dimension. The research identifies the interrelation between initiation, wedding, and funeral rites, interpreting deviations from V. Ya. Propp's classical model as manifestations of the transformation of archaic ritual practices preserved in folk consciousness. The findings suggest that the fairy-tale plot functions as a reflection of the rites of passage, merging the motifs of death and marriage into a unified ritual and symbolic structure.

ОТ ОБРЯДА К СЮЖЕТУ: РИТУАЛЬНЫЕ КОРНИ МОТИВА ЗАПРЕТА В СКАЗКЕ «СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО»

Комилова Муяссар Мавжудовна

и.о.доцента Perfect university,

доктор философии (PhD) по педагогическим наукам

Email: muyassarkomilova02@gmail.com. Моб.: +998935348715

Сабирова Мадина Мадаминовна

преподаватель Tashkent Perfect-university

Sabirovamadina2002@gmail.com

Моб.: +998971173672

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17519226>

ARTICLE INFO

ABSTRACT

Received: 25th October 2025

Accepted: 29th October 2025

Online: 30th October 2025

KEYWORDS

Русская волшебная сказка; ритуальный сюжет; символическая смерть и воскрешение; инициация; похоронные обряды; свадебная символика; трансформация архаических обрядов; модель Проппа и её отклонения; запреты; сакральный статус героини; нарушение табу; свадебный плач.

В статье анализируется ритуально-символическая интерпретация сюжета русской волшебной сказки, где героиня проходит через символическую смерть и последующее возрождение в ином мире. Речь царя («Блюдечко твоё серебряное, ну а сердце – золотое») трактуется как подтверждение завершённого перехода в иной порядок бытия, где серебро символизирует земное, а золото – потустороннее начало.

Авторы раскрывают связь между обрядами инициации, свадьбы и похорон, объясняют отклонения от классической модели В. Я. Проппа как следствие изменения древних ритуальных практик в народном сознании.

MAROSIMDAN SYUJETGACHA: «KUMUSH LIKOPCHA VA SERSUV OLMACHA» ERTAKIDAGI TAQIQ MOTIVINING MAROSIM ILDIZLARI

Komilova Muyassar Mavjudovna

Perfect University dotsenti v.b.

Pedagogika fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Elektron pochta: muyassarkomilova02@gmail.com

Telefon: +998 93 534 87 15

Sabirova Madina Madaminovna

Tashkent Perfect University o'qituvchisi

Elektron pochta: sabirovamadina2002@gmail.com

Telefon: +998 97 117 36 72

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17519226>

ARTICLE INFO

Received: 25th October 2025

Accepted: 29th October 2025

Online: 30th October 2025

KEYWORDS

Rus sehrli ertagi; marosimiy syujet; ramziy o'lim va tirilish; initsiatsiya; dafn marosimlari; to'y ramziyligi; arxaik marosimlarning transformatsiyasi; Propp modeli va uning og'ishlari; taqiqlar; qahramonning muqaddas maqomi; tabu buzilishi; to'y yig'isi.

ABSTRACT

Ushbu maqola rus sehrli ertagining marosimiy va ramziy talqinini o'rganishga qaratilgan bo'lib, uning markazida ramziy o'limni boshdan kechirib, boshqa olamda qayta tiriladigan qahramon qiz obrazi joy olgan. Shoning so'zlari («Блюдечко твоё серебряное, ну а сердце – золотое») qahramonning ramziy o'limni boshdan kechirishi va boshqa olamda qayta tirilish jarayoni yakunlaganini tasdiqllovchi dalil sifatida talqin qilinadi. Kumush zaminga, oltin esa narigi dunyoga xos mohiyatni ifodalashi ta'kidlanadi.

Mualliflar inisiyatsiya, to'y va dafn marosimlari o'rtasidagi o'zaro bog'liqlikni yoritishga uringanlar hamda V. Ya. Proppning klassik modelidan og'ishlarni xalq ongida saqlanib qolgan qadimiy marosimiy

Актуальность. Актуальность данного исследования заключается в том, что волшебная сказка, несмотря на внешнюю фантастичность, представляет собой сложный культурный текст, в котором отражены архаичные обрядовые практики, мифологические представления и ритуалы перехода. Анализ сказки «Серебряное блюдце и наливное яблочко» позволяет выявить трансформацию древних инициационных и погребально-свадебных мотивов, а также отклонения от классической модели Проппа, связанные с ослаблением или отсутствием запретов. Такое исследование важно для раскрытия глубинных слоёв народного мировоззрения, понимания символики сакральных атрибутов (волосы, дары, заточение) и осмыслиения волшебной сказки как формы сохранения культурной памяти и архаических представлений в художественном повествовании.

Степень изученности. Изучение волшебной сказки как культурного и мифопоэтического феномена имеет прочные научные традиции. В. Я. Пропп в труде «Исторические корни волшебной сказки» (1946) раскрыл архаические основы сюжетов и образов, связывая их с древними обрядами и мифологией. В. К. Соколова (1978) исследовала фольклор как отражение представлений о жизни, смерти и обрядах перехода. Дж. Фрэзер в *The Golden Bough* (1911) показал связь мифа, магии и религии. Народные тексты, такие как «Серебряное блюдечко и наливное яблочко», иллюстрируют воплощение этих древних моделей в художественной форме. Таким образом, проблема происхождения и символики волшебной сказки достаточно глубоко изучена, но сохраняет актуальность для дальнейшего анализа ритуально-семиотических аспектов.

Основная часть. Волшебная сказка, несмотря на кажущуюся фантастичность, представляет собой сложный культурный текст, в котором отложились архаичные представления, обрядовые практики и мифологические модели мироустройства. За внешней формой сказочных событий часто скрываются устойчивые структуры, восходящие к древним ритуалам перехода — *rites de passage*, сопровождавшим ключевые моменты жизненного цикла индивида [1].

Как отмечает В. Я. Пропп, обычно «со смерти или отлучки родителей начинаются очень многие сказки» [1. с. 22], что создаёт «почву для беды», поскольку оставшиеся без защиты члены семьи становятся уязвимыми. В рамках классической схемы Проппа за отлучкой обычно следует запрет — например, не

выходить из дома или не стричь волосы. Однако в данном случае запрета нет, и именно это отклонение от канона требует интерпретации.

Запреты и табу в архаичных обществах были тесно связаны с представлениями о сакральной природе власти. «Вождю или царю приписывается магическая власть над природой, небом, дождём, людьми, скотом, и от его благополучия зависит благополучие народа. Поэтому, тщательно оберегая царя, магически оберегали благополучие всего народа». Эта логика распространялась и на всю царскую семью: «...в исторической действительности запреты были обязательны не только для царей, но и для наследников» [1. с. 22].

В тексте сказки «Серебряное блюдце и наливное яблочко» нет прямого упоминания о том, что перед нами царская семья, обладающая сакральным статусом, однако из контекста сказки мы можем предположить, что перед нами именно такого рода объединение.

Отец приносит Машеньке серебряное блюдечко и наливное яблочко. Материал этого дара — серебро — не случаен. В.Я. Пропп, анализируя цветовую символику сказки, прямо указывает: «Медная или желтая окраска — разновидность золотой окраски». Поскольку «все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к иному царству», можно с уверенностью утверждать, что и серебро, как драгоценный металл, связан с той же символической системой [1. с. 170]. Таким образом, отец побывал на границе иного мира (в Медном или Серебряном царстве, предшествующих Золотому) и принес оттуда магический артефакт, предназначенный для прохождения обряда.

Причастность к тайнам иного мира распространяется и на других членов семьи. О сестрах Машеньки сказано, что они обладали «позолоченными бусами». Эта деталь крайне важна: золотая окраска их украшений прямо выдает их связь с иным царством, по Проппу.

Помимо этого, сама героиня также не является непосвященной. Она владеет «заветными словами», которые оживляют волшебный предмет. Подтверждением служит её собственное признание: «...Стану я катать яблочко по блюдечку да заветные слова приговаривать» — то есть она обладает магическими знаниями.

Перед нами не обычная семья, а семья, члены которой так или иначе обладают доступом к магическим силам и знаниям, связанным с потусторонним миром.

Вернемся к запретам, запрет на стрижку волос был одним из самых устойчивых табу, поскольку волосы считались вместилищем души или носителем магической силы.

Этот мотив явно присутствует в сказке: героиня описывается как обладательница «русой косы, до земли спускающейся, цветы цепляющей». Такая характеристика указывает не на простую красоту, а на сакральный статус. Тем не менее отец не накладывает на неё никаких запретов. Это противоречие становится отправной точкой для реконструкции ритуального смысла сюжета.

Между заточением царских детей и запретом стричь волосы существует этнографическая связь: девушки запирали во время менструации, то есть в момент перехода в новое состояние. (ср. Рапунцель, которую заточили в башне после того,

как ей исполнилось двенадцать лет [1. с. 28]). Можно предположить, что отец сознательно воздерживается от установления запретов, поскольку стремится выдать дочь замуж. Об этом свидетельствуют, во-первых, наличие у неё именно одной косы (а не двух, как незамужних девушек), во-вторых, её исключительная длина. Таким образом, перед нами героиня, которая по возрасту уже давно могла бы выйти замуж, но по какой-то причине до сих пор не обручилась.

Чтобы понять причину, по которой героиня, достигшая брачного возраста, оставалась в доме отца, необходимо обратиться к архаичным социальным институтам. Согласно этнографическим данным, физическая зрелость не являлась достаточным основанием для вступления в брак. Право на брак приобреталось через обряд инициации (посвящения), который выполнял важнейшую социальную функцию. Через этот обряд человек становился полноправным членом родового объединения и, что ключевое для нашего сюжета, приобретал право вступать в брак.

У многих народов, стоящих на ранней ступени развития, существовала практика, когда юноши с наступлением половой зрелости уходили в лес для прохождения этого обряда. Его суть заключалась в символической смерти и воскрешении: «Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком» [4. с. 311]. Это перерождение знаменовало собой переход из статуса ребенка в статус взрослого, готового к семейной жизни и несению социальной ответственности.

Сказка, сохраняя в себе исторические корни, отображает их по-иному. Обряд, о котором говорилось выше, происходило именно в лесу. В лесу же наша героиня умирает, а затем, после воскрешения, попадает в царство к царю, с которым обручается. Отсюда мы можем сделать предварительный вывод, что Машенька удачно прошла обряд, однако на данном этапе нас интересует то, каким образом она его прошла или, поставив вопрос иначе: почему она не прошла его раньше, до того как ее коса «отросла до земли»? Предварительно мы выдвигаем гипотезу, что девица второй раз проходит этот обряд, первый, соответственно, был неудачен, чтобы ее подтвердить наше предположением, нам необходимо обратиться к сказочному сюжету.

По традиции герой сказок отправляется в лес, где встречает бабу Ягу, получает волшебный предмет и отправляется в тридевятое царство за своей наградой. Таков наиболее часто встречающийся сюжет. Согласно тексту, героиня не встречает в лесу бабу Ягу и не получает от нее никакой предмет, однако, как мы помним, героиня знает «волшебные слова», которым ее научила бабушка. Считаем, что эта бабушка никто иная как Яга-дарительница, с которой героиня встретилась в лесу, то есть во время прохождения инициации. По каким-то причинам в первый раз ей не удалось пройти ее, поэтому она получила не волшебный предмет, а знания, она вернулась домой с опытом, волшебный же предмет принес ей отец, из места, которое позже ассимилировалось с образом Бабы-Яги.

Только после этого она отправляется в лес, где умирает и воскресает. Взглянем на место ее смерти.

Как уже было сказано, лес отражает представление о месте, связанном с обрядом инициации, но он также отражает воспоминание как о входе в царство мертвых [1. с. 46]. В сказочной традиции этим царством являлось тридесятное царство.

В анализируемом нами тексте «Серебряное блюдце и наливное яблочко» никто из героев напрямую не попадает в него, его лишь видят через серебряное блюдце, однако при всем этом, царство, куда отец приходит просить живой водицы, и где его дочь впоследствии выходит замуж, имеет черты, свойственные тридесятому. Этому способствует два фактора – присутствие там колодца с живой водой и наличие в нем золота.

Подробнее об этом мы поговорим ниже. Сейчас предлагаем разобраться с обстоятельствами умерщвления.

По сказке Убийцами выступают родственники, что питают к ней вражду, неприязнь, а в нашем случае – зависть. Это типичная черта, мотивировка враждой. Сестры ее убивают, но в их руках магический предмет не работает.

Почему наливное яблочко на серебряном блюдце не показало Машеньку? Мы можем выдвинуть несколько предположений. Первое и самое явное – сестры не обладали магическими способностями, поэтому не смогли ее найти. Второе – Машенька умерла, а мертвых нельзя увидеть. И, наконец, третье – сестры солгали для сохранения тайны, но не своей, а родовой, ведь обряд посвящения держался в тайне, как во время, так и после его исполнения, о нем не следовало говорить. Остановимся подробнее на третьем значении контексте сказки. С одной стороны, запрет на рассказы был табу, с другой – это табу нарушается самой Машенькой. Через флейту она всем рассказывает свою историю, а «нарушение запрета грозит смертью» [1. с. 44]. Последовало ли наказание в виде смерти? В этом необходимо разобраться.

С помощью волшебного предмета Машенька нарушает табу, отсюда реакция людей на признание приобретает другую коннотацию: «Собрался народ, ахает». На первом плане, можно подумать, что народ «ахает», так как удивляется волшебному предмету и негодует от поступка сестер, однако при ином прочтении, можно прийти к выводу, что негодование обращено не на сестер, а на сестру – Машеньку, которая не смогла сохранить секрет. Гнев отца на сестер тогда направлен не на убийство, а на недостаточную подготовку. В подтверждении того, что героиня не приняла смерть, косвенно свидетельствует и тростник. Тростник мог переносить силы «плодородия, обилия и жизни на того, с кем он соприкасается» [1. с. 72]. В таком случае, мы приходим к выводу, что девица не исполнила своей роли в обряде – она не умерла.

Здесь всё внимание смещается на фигуру пастуха, который, подобно шаману, обладает знанием границ между мирами. Именно он обрезает тростник – сакральное растение, связанное с возрождением и жизненной силой – и создаёт из него дудочку, через которую начинает звучать голос Машеньки. Здесь посох пастуха, хоть и не упомянут прямо, играет символическую роль: в мифopoэтической традиции он связан с путешествием в потусторонний мир, как

отмечал Пропп. Лес, где разворачиваются события, также не случаен – он окружает царство мёртвых и служит пространством перехода. Таким образом, пастух выполняет функцию проводника – шамана, способного взаимодействовать с миром мёртвых и возвращать оттуда знаки.

Не случайно подчёркивается и возраст пастушки. Несмотря на молодость, он проходит в лес, сакральное пространство, доступное лишь тем, кто достиг определённой зрелости. Это указывает на то, что он уже включён в структуру обряда, возможно, как инициируемый или как завершивший инициацию. Отсюда возникает версия, что он мог быть тем самым предназначенным героине женихом, с которым она должна была соединиться после смерти и возрождения. Однако, нарушив правила обряда и не доведя его до конца, Машенька лишается возможности вступить с ним в союз. Таким образом, волшебный предмет не только открывает доступ к тайне, но и обнаруживает её несостоительность в рамках ритуальной структуры. Если принять, что он действительно шаман, то становится понятно, почему именно он имеет право вступить в брак с Машенькой – как человек, обладающий особым статусом и принадлежащий к тому же социокультурному уровню, что и она, он имеет формальное право на брак с ней.

Однако брак с пастухом не состоится. Вместо этого Машеньку, воскрешённую живой водой, увозят в царство, где её встречает царь. Этот поворот сюжета знаменует не просто смену жениха, а радикальную трансформацию статуса героини. После воскрешения она уже не Маша, а Марьюшка – новое имя, как отмечает Пропп, является неотъемлемым элементом обряда инициации: «Воскресший получал новое имя...» [3. с. 164]. Это имя знаменует рождение нового «я», вышедшего из смерти и принадлежащего иному миру.

Подтверждением окончательного перехода служит и речь царя: «Блюдечко твоё серебряное, ну а сердце – золотое». Здесь происходит семантическое совмещение двух миров: серебро – металл земного, промежуточного дара, а золото – символ тридесятого царства, царства мёртвых и вечной жизни. Царь не просто хвалит её добродетель — он констатирует её принадлежность к иному порядку бытия. Она больше не может вернуться в дом отца, в мир живых: её «наказанием» за нарушение табу становится вечное пребывание в царстве, куда она попала через смерть. Брак с царём — не награда, а ритуальное завершение перехода, аналог брачного союза с владыкой потустороннего мира, как в мифе об Иштар или Персефоне.

Этот сюжет позволяет рассматривать волшебную сказку не только как отголосок инициационного обряда, но и как облечённую в фантастическую форму свадебную драму. В славянской традиции, как показала В. К. Соколова, «основой для сопоставления смерти со свадьбой послужило то, что они воспринимались как переход в новое состояние, как начало нового жизненного этапа» [3. с. 120]. Символическая смерть девушки в лесу – это ритуальное умирание девичества; её воскрешение – рождение жены. В таком случае, отец не являлся отцом Машеньки. Он – отец жениха или сват, принесший выкуп за невесту, в виде наливного яблочка (фруктов) и тарелки (посуда, позолоченный предмет или украшение). Сёстры,

проводящие её в лес, выполняют функцию свадебных подружек, а плач сквозь дудочку – не просто причитание, а свадебный плач, который, по данным этнографии, каждая женщина обязана была исполнять «на собственной свадьбе».

Заключение. Таким образом, смерть и свадьба в сказке «Серебряное блюдечко и наливное яблочко» сливаются в единый ритуал перехода. Мотив запрета имеет глубокие ритуальные корни и восходит к архаическим обрядам перехода. Нарушение запрета выступает не просто сюжетным приёмом, а символическим отражением испытания, связанного с переходом героя в новое состояние – инициацией, познанием или утратой сакрального знания. Сказочный сюжет, сохранивший следы древних обрядовых структур, демонстрирует трансформацию мифологических смыслов в художественную форму. Таким образом, от обряда к сюжету прослеживается постепенное переосмысление сакральных элементов в эстетическую и поучительную систему народной сказки, что подтверждает её глубокую связь с культурной и духовной традицией.

References:

1. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1946.
2. Серебряное блюдечко и наливное яблочко [Электронный ресурс] – URL : <https://vseskazki.su/narodnye-skazki/russkie-narodnie-skazki/serebryanoе-blyudechko-i-nalivnoе-yablochko.html>
3. Соколова В. К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре). — В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. І, 1978, с. 195.
4. Frazer, James George. *The Golden Bough: A Study in Magic and Religion*. 3rd ed. Vol. II. London: Macmillan and Co., 1911. — p. 311.